

Молодов Олег Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института социально-экономического развития территорий РАН

Конфессиональный фактор духовной безопасности России и Беларуси

В период глобального экономического кризиса внимание учёных стали привлекать те сферы общественной жизни, которые находятся за пределами собственно экономики, но оказывают на неё сильное воздействие. Одной из таких областей стала духовная безопасность.

Бесспорно, что всё постсоветское пространство находится в ситуации духовного кризиса, ставшего результатом радикальных реформ 1990-х гг. Произошёл подрыв духовных основ, ранее выступавших фундаментом и важным фактором консолидации общества. Стало заметным «обесценение основополагающих духовных ценностей российского общества с его богатыми традициями, историей, уникальной географией, психологическим обликом» [1, с. 63]. О.А. Павловская, характеризуя ситуацию в Беларуси, также указывает, что «масштабы и темпы распространения моральных деформаций, бездуховности и нецивилизованности в человеческих взаимоотношениях катастрофически нарастают, что позволяет говорить о наличии затяжного духовного кризиса как такового» [2, с. 3]. Проблема безопасности в гуманитарной и духовной сфере широко представлена в белорусских публикациях последних лет [3; 4; 5].

Некоторые исследователи считают обеспечение духовной безопасности «вопросом жизни и смерти, так как общество как целостность может существовать только на основе духовно-нравственных ценностей, как индикаторов жизнеспособности социума» [6].

Понятие «духовная безопасность» появилось в отечественной науке в 2000-е гг., и его введение в научный оборот было обусловлено потребностью реформированного российского общества в стабилизации и самосохранении не только в экономико-производственном плане, но и в плане поддержания и развития национальной, культурной и социальной макроидентичности. Размывание национальной идентичности, по мнению А.В. Тонконогова, «столь же серьёзная проблема, как и утрата военного и экономического потенциала, суверенитета страны» [7, с. 4]. Деструкцию в духовной сфере усугубляет общая социальная напряженность, вызванная расслоением населения по уровню жизни, что в конечном итоге приводит к росту радикальных настроений, резкой идеологической поляризации, особенно в «депрессивных» регионах.

В российском законодательстве и концептуальных документах в конце 1990-х гг. появилось понятие «национальная безопасность», понимаемое как защищенность (или состояние защищенности) жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Духовная безопасность позиционируется исследователями как часть национальной безопасности, но сам термин в официальных документах отсутствует.

В науке также не существует общепринятого определения данного понятия. Не вполне удачен вариант Д.В. Зеркалова, который понимает под духовной безопасностью «систему отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для *созидательной* (курсив здесь и далее наш – О.М.) духовной жизни и *здорового* социально-нравственного развития» [8, с. 4]. А.С. Запесоцкому она представляется в качестве «системы условий, позволяющих культуре и обществу сохранять жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся *нормы*» [9].

Как мы видим, попытки сформулировать чёткое определение трудно признать удачными, поскольку создать универсальные критерии безопасности в столь деликатной сфере общественной жизни практически невозможно. Исходя из общих позиций, безопасностью следует признавать состояние защищённости (защищённость) интересов субъекта, а не «систему условий» или «систему отношений». Значительно сложнее определить соотношение деструктивности / созидательности или степень соответствия «норме» в деятельности определённой общественной организации.

П.Н. Беспаленко обозначает духовную безопасность «качественной характеристикой состояния общества в аспекте его духовно-нравственной и мировоззренческой состоятельности, потенциала базовых целей и ценностей, баланс индивидуальных, групповых, социетальных интересов, функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры» [10, с. 13].

В российской науке имеются несколько подходов к определению данного понятия.

1. Традиционный, в соответствии с которым духовная безопасность – это состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства в духовной сфере от внутренних и внешних угроз [11, с. 31]. Это общее определение, вытекающее из представлений о национальной безопасности, характерных для конца XX в.

Имеется более широкое толкование духовной безопасности, понимаемой как «состояние и условия жизнедеятельности социума, которые обеспечивают сохранность и укрепление нравственных ценностей общества, а вместе с тем способность государства решать назревшие задачи экономического, социального и политического развития» [12, с. 128].

В традиционном подходе акцентируется внимание на защите от определённых рисков, вызовов и угроз, а в социологическом и политологическом – на определённом внутреннем состоянии системы духовной безопасности, определяемом взаимодействием её элементов (субъектов), которое должно обеспечить нормальное функционирование и развитие общества в целом вне зависимости от наличия тех или иных угроз.

2. В рамках социологического подхода духовная безопасность определяется как «состояние личности, общества и власти, обеспечивающее их нормальное взаимоувязанное существование и функционирование, а также созидательное культурно-цивилизационное развитие сложившегося или складывающегося национального образа жизни. С другой стороны, это процесс сохранения и позитивного видоизменения идей, идеалов, ценностей, норм и традиций, господствующих в обществе, разделяемых массами людей и властными структурами в целях социального воспроизводства, гарантирующего устойчивость вектора, преемственность и динамику общественного развития» [11, с. 32].

3. Духовную безопасность сквозь призму политологических интересов можно кратко обозначить как:

- способность личности, общества и государства сохранять и развивать позитивную созидательную духовность;
- состояние защищённости жизненно важных интересов и потребностей личности, общества и государства;
- систему отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для духовной жизни и духовного развития.

В условиях активизации религиозной жизни на постсоветском пространстве всё чаще нравственные ценности стали отождествляться с религиозными, что заметно снижает их статус и роль в жизнедеятельности личности и общества. Упор делается на то, что религия – единственная из всех сфер сознания, содержащая объективный источник нравственности в виде божественных заповедей, а значит и моральное оздоровление общества должно сопровождаться религиозным возрождением.

Представляется аргументированной позиция О.А. Павловской, что отождествляя «духовность» и «религиозность» можно придти к выводу, что в целях духовного возрождения всё население страны должно стать религиозным [2, с. 7]. Это противоречит конституционным принципам свободы совести и свободы вероисповедания и вряд ли может реализоваться, особенно в условиях поликонфессиональных стран, таких как Россия и Беларусь. В последние годы проблема религиозной безопасности становится не менее актуальной и широко обсуждаемой учёными обеих стран [13; 14; 15; 16].

Характеризуя поликонфессиональность, профессор Л.Е. Земляков приводит следующую статистику количества религиозных объединений Беларуси на 1 января 2012 г.: всего – 3374, из которых православных – 1567, протестантских – 1025, католических – 479. Он отмечает, что «каждая из конфессий борется за своё существование, и государству ...необходимо проводить политику по обеспечению национальной безопасности, в том числе религиозной»[17]. Однако приведённые данные нуждаются в уточнении. В частности, в официальную статистику объединений протестантизма не вошли так называемые «баптисты-инициативники», сторонники Международного совета церквей евангельских христиан-баптистов (МСЦ ЕХБ), принципиально не получающие государственную регистрацию [18, с. 93–97]. Их в республике, по данным МСЦ ЕХБ, насчитывается 75 общин (церквей) [19]. В отличие от РФ, в Беларуси запрещена деятельность незарегистрированных религиозных объединений, поэтому нелегальный статус «инициативников» на территории республики с момента их появления в начале 1960-х гг., по существу, не изменился.

Результаты социологических исследований показывают, что только 19,9% жителей республики считают себя истинно верующими людьми, а посещают храм (церковь, костёл, синагогу) один раз в неделю 6% населения. «Число посещающих церковь и соблюдающих посты уменьшается. ...Уже не престижно стоять в храме со свечой в руках. Белорусское общество начинает болеть безверием» [20, с. 134]. Данные о посещении богослужений в разрезе наиболее представленных в республике конфессий приводятся в Таблице 1.

Таблица 1

Регулярность посещения богослужений верующими различных конфессий Республики Беларусь в 2007 г. (% от числа опрошенных) [21, с. 138]

Посещаете ли	Православные	Католики	Протестанты
--------------	--------------	----------	-------------

Вы богослужения?			
Да, регулярно	11,3	55,7	96,8
Да, изредка	68,6	40,5	2,9
Нет, не посещаю	20,1	3,8	0,3

В совокупности с результатами исследований мотивации посещения богослужений и уровня знакомства с Библией, можно отметить, что наиболее последовательны в своих убеждениях и сосредоточены на своей вере представители протестантизма. У остальных христиан (православных и католиков) произошло ослабление церковной дисциплины и мотивации культового поведения [21, с. 142]. Однако, по данным НАН Беларуси, Православная церковь с 1990 г. стабильно занимает второе место (после главы государства) в рейтинге доверия населения. Аналогичную ситуацию показывают и результаты мониторинга ИСЭРТ РАН: в 2012 г. церкви доверял 41% населения Вологодской области.

Несмотря на сохраняющееся доверие населения к доминирующим церковным организациям, нецелесообразно отождествление духовной и религиозной (конфессиональной) безопасности в теории и практической деятельности. Безусловно, религиозная безопасность является частью духовной (духовно-нравственной) безопасности и при размывании общепринятых светских моральных ценностей может её заместить. Поэтому некоторые современные ученые делают акцент на помощь Церкви (в первую очередь – православной) в решении проблем безопасности. Белорусский профессор А. Осипов заявляет, что для «противостояния процессу эрозии духовно-нравственных ценностей ...требуются объединённые усилия государства, церкви и общественности» [17].

Религиозная безопасность как часть духовной безопасности может выступать в различных ипостасях:

- как состояние защищённости религиозной сферы от деструктивных и дестабилизирующих внутренних и внешних воздействий, способствующее демократическому общественному развитию;

- как свойство религиозной сферы, проявляющееся в её стабильности, динамичности, устойчивости, способности сохранять свои сущностные характеристики, в отсутствии противоречий в развитии и функционировании, которые могут привести к её резким качественным изменениям;

- как важнейшая атрибутивная характеристика общественной системы, условие её эволюционно-прогрессивного развития.

Это также состояние защищённости интересов конфессиональных субъектов, достигаемое путем нейтрализации деструктивного или негативного воздействия на сложившуюся в обществе систему религиозно-правовых ценностей, агрессивного вмешательства в процессы обретения духовной идентичности личности [15, с. 41].

Однако защищённость религиозной сферы, по мнению Л.Е. Землякова, «должна быть не самоцелью, а фактором, способствующим стабильному, устойчивому, демократическому развитию Беларуси» [22, с. 117]. Некоторые специалисты утверждают, что «в сфере конфессиональных и межконфессиональных отношений в настоящее время нет реальных угроз жизненно важным интересам республики. Потенциальную опасность представляют попытки служителей ряда конфессий активизировать своё участие в политической и государственной деятельности» [23, с. 359]. В тоже время на круглом столе НАН 16 марта 2012 г. отмечалось, что на территории Беларуси действуют около 400 новых религиозных движений (НРД), деятельность которых негативно влияет на традиционный уклад жизни и духовно-нравственный идеал.

Общей чертой законодательства обеих стран является закрепление ведущей роли православия в истории и культуре народа, при этом в основных законах провозглашается равенство конфессий. Статья 16 Конституции Беларуси содержит важную оговорку о том, что «взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учётом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа».

В Законе Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» 2002 г. утверждается равенство религий перед законом при признании *определяющей* роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа, духовной, культурной и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси, неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама [24, с. 23–24]. Бесспорно, что древнейшей монотеистической религией на белорусских землях является православие [25, с. 8], но впоследствии страна сформировалась как поликонфессиональное государство, где на начало 2012 г. зарегистрировано 1807 религиозных объединений (53,6% от их общего числа), не принадлежащих Православной церкви. Хотя в законе и не употребляется термин «традиционные религии», перечисленные в его преамбуле пять конфессий воспринимаются именно в качестве таковых, а

остальные автоматически становятся «нетрадиционными». Как считает Н.А. Белякова, «продекларированная законом своеобразная иерархия религий создала почву для обвинений БПЦ в привилегированности, на самом же деле не способствовала усилению позиций Православной церкви в Беларуси» [26].

Федеральный закон Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятый в 1997 г., сохранил известную преамбулу, где признается «особая роль православия в истории России, в становлении и развитии её духовности и культуры, уважение христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России». Сравнивая выдержки из законов обеих стран, можно увидеть их очевидное сходство. Однако исходя из истории становления белорусской нации, важно отметить, что ей, в отличие от русской, более свойственна поликонфессиональность. Например, по данным Католической церкви, среди этнических белорусов 14,5% католиков (более 1,4 млн. чел.) [27]. Поэтому нормативное закрепление определяющей роли православия в данном случае менее уместно, чем в законе Российской Федерации.

Примечательно, что наряду со светскими учёными проблемами религиозной безопасности занимаются в России и Беларуси в основном представители господствующей конфессии – православия (так называемые «сектоведы») [28; 29]. Для них только православные традиции должны становиться объектом охраны от «посягательств» со стороны адептов нетрадиционных культов, а все НРД являются «деструктивными» и «тоталитарными». Усложнению государственно-конфессиональных отношений в немалой степени способствуют указанные выше нормативные акты, отделяющие традиционные религии от нетрадиционных культов и сект, создавая предпосылки для дискриминации последних. Однако в российском законодательстве понятие «секта» отсутствует, поскольку данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несёт негативную смысловую нагрузку и может оскорбить чувства верующих [30, с. 204].

К сожалению, под флагом обеспечения духовной (по существу, религиозной) безопасности и сохранения традиций в обеих странах идет борьба за паству не только с НРД, но и с другими конкурентами, например, с католиками. Наиболее жесткое давление оказывается на представителей протестантизма, известных «навязчивым прозелитизмом» – пятидесятников (ХВЕ) и Свидетелей Иеговы. Согласно широко распространённому на всем постсоветском пространстве мнению, беспокойство властей вызывают именно протестантские религиозные объе-

динения, которые в силу их новизны, харизматичности и активной миссионерской деятельности, провоцируют настороженное отношение к ним.

В Беларуси в ходе мониторинга 2006 г. организацией «Христианский правозащитный дом» выявлены факты вмешательства властей в деятельность всех конфессий: в 56,5% случаев нарушены права протестантов, в 22% – католиков, в 17% – православных [26]. Другая правозащитная организация – Кестонский институт – также сообщает о нарушении вероисповедных прав католиков, христиан полного евангелия (ХПЕ, неопятидесятников), представителей автокефальной православной церкви на территории страны [31]. Как пишет Н. Янович, апологет традиционных ценностей, «протестантизм является для Беларуси инородным телом. Распространяется он лишь вследствие загнивания сознания современного человека «общечеловеческими и общехристианскими ценностями», изобретенными в своё время для разрушения СССР, а теперь используемыми для разрушения православия» [32]. Считаем, что в условиях поликонфессиональности обеих стран претензии доминирующих конфессий на монополию в сфере духовности и духовной безопасности не вполне оправданы. В отличие от Беларуси, где инициатором формирования белорусской идеологии выступил глава государства, в современной России, на наш взгляд, не наступило осознание необходимости преодоления чрезмерной деидеологизации.

Институционализация духовной и религиозной безопасности в политическом пространстве современного общества, как отмечают исследователи, возможна только в условиях становления и развития идеологии государства. Однако характер и содержание этой идеологии не должны сводить её к конфессиональной модели, которая неизбежно превратится в стимул дезинтеграции общества по конфессиональному признаку [15, с. 44].

Как представляется, основным противоречием в данной сфере стало то, что концепция либерализма предполагает неограниченное и спонтанное саморегулирование духовной жизни общества («идеологический плюрализм»), создающее угрозу национальным интересам и духовной безопасности. Это, в свою очередь, порождает стремление к его ограничению. Долгом государства, являющегося основным субъектом обеспечения национальной безопасности, становится защита и традиционных духовных ценностей своих граждан. Ошибочной позицией является использование в данной сфере только правовых ограничений и запретов, ужесточения наказаний за правонарушения. Требуется продуманная государственная политика в области обеспечения духовной безопасности, нацеленная на

комплексное решение острейших проблем в области экономики, образования, семьи и демографии с целью сохранения социокультурной специфики и культуры российского и белорусского общества.

* * *

1. *Бобков А.В.* О социальном измерении нового этапа развития // *Экономист.* 2013. №5. С. 61–72.

2. *Павловская О.А.* Духовно-нравственные аспекты национальной безопасности Беларуси: социально-философский анализ // *Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь.* 2010. №1 (10). С. 3–10.

3. *Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / под ред. О.А. Павловской.* Мн.: Белор. наука, 2011.

4. *Минаев Г.А.* Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере. Социокультурные и духовно-нравственные проблемы. Мн.: Белор. наука, 2010.

5. *Павловская О.А., Старостенко В.В., Владыковская Л.Н.* Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека. Мн.: Белор. наука, 2011.

6. *Самыгин С.И., Верещагина А.В.* Духовная безопасность России как основа российской государственности // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2011. №1. С. 13–16.

7. *Тонконогов А.В.* Духовная безопасность российского общества в условиях современного геополитического соперничества (социально-философский анализ): автореферат дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011.

8. *Зеркалов Д.В.* Духовная безопасность: монография. Киев, 2012.

9. *Запесоцкий А.С.* Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // *Педагогика.* 2002. № 2. С. 3–8.

10. *Беспаленко П.Н.* Духовная безопасность в системе национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

11. *Иоанн (Попов), архп.* Духовная безопасность России (Актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности): науч.-метод. пособие / архп. Иоанн (Попов), А.А. Возьмитель, А.И. Хвыля-Олинтер. М., 2005.

12. *Безопасность Евразии. 2002. Энциклопедический словарь-ежегодник.* М.: Книга и бизнес, 2003.

13. *Алексеевский А.* Религиозная безопасность России: термины и определения. М., 1997.

14. *Безнюк Д.* Национальная и религиозная безопасность Беларуси: социологический аспект // *Социология.* 2006. № 1. С. 57–64.

15. *Щёкин Н.С., Земляков Л.Е.* Религиозный фактор общественной и государственной жизни // *Проблемы управления.* 2010. № 1 (34). С. 38–45.

16. *Молодов О.Б.* К вопросу о технике религиозной безопасности // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. С. 321–323.

17. В Беларуси необходимо создать эффективную систему духовно-нравственного воспитания: Круглый стол в НАН Республики Беларусь на тему «Религиозный фактор национальной безопасности Республики Беларусь» от 16 марта 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/V-Belarusi-neobходимо-sozdat-effektivnuju-sistemu-duhovno-nravstvennogo-vospitanija---NAN_i_592023.html.

18. *Молодов О.Б.* Баптисты-инициативники и их отношение к регистрации в 1960-1980-е гг. // Свобода совести в российском и международном измерении: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 23–24 октября 2012 г.) / Отв. ред. И.И. Маслова, Б.В. Николаев. Пенза: Изд-во ПГУАС, 2012. С. 93–97.

19. Христианский сайт «Капли дождя» с материалами МСЦ ЕХБ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mp3-ehb.ru/msc-ehb/47-dokumenty-msc-ehb/311-adresa-tserkvej-msc-ehb.html?showall=&start=4>.

20. *Котляров И.В.* Какая дорога ведет к храму: социологические аспекты // Религия и общество–6: сб. науч. статей / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилёв, 2011. С. 132–135.

21. *Новикова Л.Г., Белая Е.А.* Конфессиональные особенности массовой религиозной культуры в современной Беларуси // Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика: Сб. науч. тр. / Под ред. О.В. Пролесковского, Г.В. Осипова. Мн.: ИАЦ, 2008. С. 133–153.

22. *Земляков Л.Е.* Религиозный фактор национальной безопасности Беларуси // Белорусская политология: многообразие в единстве. Республика Беларусь в глобализирующемся мире: тез. докл. IV междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Н. Ватыль. Гродно, 2010. Ч. 1. С. 116–118.

23. *Мясникович М.В., Пузиков В.В.* Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы: монография. Мн.: Изд-во «Экономика и право», 2003.

24. *Шкурова Е.В.* Социальные аспекты функционирования светского государства и Республике Беларусь // Философия и социальные науки. 2007. №4. С. 23–24.

25. *Старостенко В.В.* Религия и свобода совести в Беларуси: очерк истории: монография. Могилев, 2011.

26. *Белякова Н.А.* Угрозу национальной безопасности Беларуси составляют верующие? [Электронный ресурс] // Сайт кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ. Режим доступа: <http://www.postsoviet.ru/publications/280/>

27. Catholic.by. Kościół Rzymskokatolicki na Białorusi [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.catholic.by/2/pl/belarus/dioceses.html>.

28. *Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Н. Новгород, 2002.

29. *Конь Р.М.* Введение в сектоведение. Н. Новгород, 2008.
30. *Молодов О.Б.* Понятие «секта» в каноническом праве и законодательстве дореволюционной России // Религия и общество–4: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилёв, 2009. С. 203–205.
31. Институт прав человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hrights.ru/text/belorus/b23/Chapter44.htm>.
32. *Янович Н.* Беларуси угрожает перспектива превратиться в протестантскую республику, или нас настойчиво толкают к предательству веры наших предков // Народная газета. 2000. Апрель. №74.